

УДК 821.161.1.09«19»:811.119
ББК 83.3(2-Рус) 83 С-60

Е.Ю. Третьякова

**ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ
ПОРТРЕТА ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ
ЭПИЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА)**

Обращаясь к исследованиям художественного творчества А.И. Солженицына, автор статьи показывает, что преимущественное внимание к индивидуализированным элементам препятствует пониманию и учету механизмов неиндивидуалистической переработки смысла. Указаны имеющиеся в наработках русских гумбольдтианцев XIX в. источники филологического подхода, при котором есть возможность раскрыть доминанты языковой личности писателей-эпиков, непосредственным образом обусловленные природой естественных языков.

Ключевые слова: *А. И. Солженицын, языковая личность писателя, эпическое художественное сознание, национальный язык, народность, культура-вера, русское гумбольдтианство.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-3-61-68

Третьякова Елена Юрьевна – докт. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела комплексных исследований культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева
Тел.: 8(909)460-95-49
E-mail: drevo_rechi@mail.ru

© Третьякова Е.Ю., 2019.

Раскрывая концептосферу, идиостиль писателя, современная филология анализирует продукты индивидуализированной языковой деятельности, но оставляет в стороне заложенные в природу живых языков эпические механизмы восприятия и переработки смысла. Без учета этих механизмов затруднительно раскрыть особенности художественного сознания писателей-эпиков, поэтому целесообразно активнее привлекать к изучению их языковой личности имеющиеся в наследии русской филологической мысли XIX столетия непозитивистские подступы к проблемам эпического.

К числу эпических художников принадлежит А. И. Солженицын. По сложившемуся стереотипу в нем в первую очередь видят писателя-борца, что подтверждает и заголовок книги Ж. Нива «Александр Солженицын: Борец и писатель» [Нива, 2014]. Жорж Нива, заслуживший признание превосходного комментатора солженицынской прозы, уделяет большое внимание интеллектуальным поискам и авторской иронии. Но как это согласовать с тем, что сам Александр Исаевич неизменно подчеркивал свое стремление быть писателем христианским? Хорошо известен его призыв «на каждом поприще», пока не поздно, отбросить «ложные идеалы нашего века», отказаться от «претенциозных поисков», в которых «человек пытается не выявить Божий замысел, но заменить собою Бога» [Солженицын, 1983, с. 108]. Приведем слова из Темплтоновской лекции (1983): «Бесплодны наши попытки искать выход из сегодняшнего

мирового положения, не возвратя наше сознание раскаянно к Создателю всего <...> слишком бедны те средства, которые мы себе оставили. Надо прежде увидеть весь ужас, сотворенный не кем-то извне, не классовыми или национальными врагами, а внутри каждого из нас и внутри каждого общества, и даже в свободном и высокоразвитом – особенно, ибо тут-то особенно мы все это сделали сами, свободною волею. Сами же мы повседневным легкомысленным эгоизмом эту петлю затягиваем» [Солженицын, 1983, с. 107].

Представитель страны, тысячу лет хранившей православие, Солженицын напоминал, что культура-вера столетиями вращалась в строй мысли и людских характеров, в образ поведения, в строение семьи, в повседневный быт, в трудовой календарь, в очередность дел недели, года. Благодаря аккумуляции глубинных факторов народной психологии, массив эпического наследия как общий итог неиндивидуалистической переработки опыта накапливает резистентность к вирусу эгоцентризма. Стихийный коллективизм, широта души – все это, наряду с немаловажной для характеристики русской ментальности категорией *совесть*, входит в состав неподдающейся расчлененному анализу категории *народность*.

Хотя для философии языка на рубеже XVIII – XIX столетий был характерен пристальный интерес к народности литературы, позитивизм, как бы в отместку идеализму, лишил эту категорию внятно разработанного понятийного аппарата. Результатами этого стали ничем не сдерживаемая экспансия эгоцентризма, недоразвитие и угасание неэгоцентричных форм социального бытия, отсутствие адекватной разработки категории *эпического*, недооценка творческого потенциала эпических художников (причем, не только мастеров слова).

Гердер, Гёте, Пушкин утверждали, что на звание национального поэта может претендовать только эпический художник. Вильгельм фон Гумбольдт отделил эргон (продукт) от энергеи языка – эманации Целого, напитывающей язык. Чуткость к этой ауре языка делает личность естественной частью народного мира; а в лице народов становится не безликим само человечество.

Позитивистский анализ продуктов языковой деятельности пренебрегает идеей об энергеи – притяжении к Истине, которое, наподобие компаса в магнитном поле, дарует через язык сознание Божественной вершины. Когда эта вершина не отброшена, Целое безмолвно говорит с каждым: настраивает интуицию, которая работает не словесно. Благодаря языку (языковой картине мира, которую люди осваивают вместе с речью и мышлением), мы по принципу «знающий молчит» улавливаем, понимаем гораздо больше, чем мы говорим и слышим. Пониманием неизреченного напитано эпическое восприятие мира. Идея упрочить ауру такого взаимопонимания с читателем вдохновила Пушкина на роман в стихах: «еще неясно различаемая» на первых страницах «даль свободного романа» постепенно вобрала, впитала и явила сквозь магический кристалл гармонии всю русскую жизнь.

Ошибочно интерпретировать умозрительную оптику *магического кристалла* как текстовую данность. Для высших ступеней миропоряд-

ка нет текстовых эквивалентов: этот уровень не застит никакое человеческое осмысление событий и явлений. Настоящий художник не заслоняет его своими «концепциями», а радостно работает подмастерьем под небом Бога, – мы солидарны с исследователями М. М. Голубковым и Е.В. Жуйковой, считающими это общим художественным принципом Солженицына. Однако их тезис: «в представлении Солженицына, мир сотворен Божьим замыслом и подчиняется ему. Поэтому мир воспринимается самим автором как художественный текст, а писатель – как его прилежный читатель» [Голубков, Жуйкова, 2013, с. 8] – хотели бы скорректировать. Божественный Логос имманентен бытию. Объективно все мы, без различия ролей – те, кто пишет, сеет, строит, жнет, – абсолютно равные перед Целым фигуранты неохватно широкого потока жизненных событий, «вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей – и с этой ступени не надо сорваться, не надо и протоптаться бесплодно. Одни материальные законы – не объясняют нашу жизнь и не открывают ей пути. Из законов физики и физиологии нам никогда не откроется то несомненное, как Творец постоянно и ежедневно участвует в жизни каждого из нас...» [Солженицын, 1983, с. 108].

Поэзии дано вобрать отблеск Откровения, найдя ему некоторое символическое имя. Тут мы бы вспомнили Тютчева. Его постулат: в присутствии высшего уровня *можно только верить*, отчеканен в поэтической сентенции вместе с другим не менее важным в гумбольдтианском смысле признанием: только через путь к родине можно интуитивно постичь ориентиры земного пути к Истине. Не то ли же самое, но по-своему изрек Тургенев. Пришлось умирать на чужбине, но русский язык он ощущал как единственную для себя надежду и опору «во дни сомнений и тягостных раздумий о судьбах родины».

Не такое ли чувство языка ввело Солженицына в непримиримый конфликт с позитивистской догмой? Оно проявилось и в «Крохотках», и в грандиозных эпических полотнах, в «Русском словаре языкового расширения», в проникнутых стремлением быть предельно честным записях о произведениях любимых авторов («Литературная коллекция»). Ради стремления к России (вектор – только верить) он мог быть строгим даже к Чехову: «И вот же: как будто – у важного стержня жизни, а – не на главном (А Достоевский *всегда на главном*). И получается: еще добавка к серии брюзжаний о <...> ненужностях и нескладностях русской жизни» – написал он о рассказе «Палата № 6» [Солженицын, 1988, с. 172]. Такой философский настрой сродни не мейнстриму XX в., а славянофильству первой половины XIX столетия, самобытно, по-русски, освоившему идеи Гумбольдта.

Гумбольдтианское учение о языке по-своему учитывали и европейские лингвисты, в том числе и германские. Лео Вайсгербер, ввел в 1930-х гг. понятие *языковая личность* – «Die sprachliche Personlichkeit», однако в концепции *Weltbild der Sprache* (картина мира, которую родной язык содержит в своих понятиях, передавая ее всем членам языкового сообщества) сделал ставку на эргон: «Словарный запас конкрет-

ного языка включает <...> вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество» (Л. Вайсгербер «Связь между родным языком, мышлением и действием», 1930) [цит. по: Радченко, 2005, с. 250]. В работах 1950-х гг. Вайсгербер стал употреблять и термин *энергейя*, подразумевая субъективно-национальную идиоэтническую окраску картины мира: в каждом языке представлена особая точка зрения на мир, воздействующая на когнитивную и практическую деятельность ее носителей.

Это не соответствует идеалистической концепции Вильгельма фон Гумбольдта, где энергейя – заключенная во внутренней форме языка сила, которая посредством человеческого мышления превращает действительность в бытие/сознание. Из всех последователей Гумбольдта именно русские философы-идеалисты, свидетели «вхождения поэзии в действительность» – рождения великого национального поэта в лице Александра Пушкина – первыми сделали эту категорию инструментом анализа литературы. Их начинания поддерживали Жуковский, Гоголь, упомянутый нами Тютчев.

Среди наиболее успешно работавших над этим теоретиков надо назвать Ивана Васильевича Киреевского, который на первых своих шагах был оценен Пушкиным как «дельно говорящий» критик, а в работах последнего периода своей жизни (ближе к пятидесяти годам) сумел решить поставленную Жуковским и Пушкиным философскую задачу: нашел лингвокультурное объяснение специфики эпического мировосприятия. Открытие подсказал сохраненный в православии древнейший (раннехристианский) тип духовных практик соотнесения Божественного и человеческого. Подробно о культурно-языковых открытиях Киреевского можно прочесть в ранее опубликованной нами работе [Третьякова, 2003, 2010]. В европейском сознании эргон доминирует над энергейей, в восточнославянском энергейя подчиняет себе и поглощает эргон. Так, И.В. Киреевский объяснил, почему *универсальность*, к которой стремится европейская наука, не соответствует *универсуму раннего христианского учения* (этот тип философствования о Высшем Начале перенят православием). Из академических представителей данной школы Александр Афанасьевич Потебня последовательнее других развил учение о *внутренней форме слова в языке* в капитальном, 30 лет (1862–1891) создававшемся труде «Мысль и язык».

Что касается специфики европейского типа мышления, то она проанализирована М. Вебером («Протестантская этика и дух капитализма», 1905). Индивидуалистический подход к языку упрочивал свои позиции в течение XX в. Б. Уорф, Э. Сепир пошли гораздо дальше Вайсгербера. И именно в таком виде теорию языковой личности ввели в отечественную лингводидактику, социо- и психолингвистику В. В. Виноградов, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, Е. В. Иванцова, К. Ф. Седов, В. П. Нерознак, В. В. Красных и др. Их интересовали поведенческие, когнитивные, коммуникативные аспекты языковой личности как «совокупности способно-

стей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [Караулов, Красильникова, с. 3]. Соответствующей модели, с выделением уровня когнитивного (актуализация и идентификация знаний и представлений, создающих коллективное и индивидуальное когнитивное пространство), прагматического (мотивы и цели, движущие развитием языковой личности) и проч., следует большинство работ о языке произведений Солженицына. Такие исследования однотипны, что заметно, например, на материалах, опубликованных в последнем номере «Вестника Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина» за 2018 г. в подборке к 100-летию Солженицына. Авторы не столько дают выводы, сколько настаивают на продолжении исследований. Этим завершается даже основанная на «многолетнем опыте систематического изучения языковой картины мира А. И. Солженицына» статья А. А. Злобина, в которой представлен «анализ ядерно-периферийных семантических полей, лексической и текстовой репрезентации базовых концептов *свобода* и *воля*»: «Дальнейшее исследование языковой картины мира писателя в данном направлении видится весьма перспективным: оно способствует проникновению в глубинные пласты текстов и постижению авторского идейного замысла» [Злобин, 2018, с. 163].

Эпическое восприятие мира как несомненную доминанту языковой личности писателя такого рода работы не раскрывают. Другой, но также показательный пример искажения портрета языковой личности является собой эссе Жоржа Нива «Поэтика Солженицына между “большими” и “малыми” формами». Выдающегося французского критика интересует индивидуализация чувств («нужны муки самого писателя, а не персонажа»). Согласно такой концепции, писатель «должен испытывать всю фрагментарность, пунктирность человеческой жизни. Он должен мучительно искать брешь, лазейки, через которые фильтруется отблеск Света, Вечности. А эти отблески даются как в десятистрочной “крохотке”, так и в тысячелистной массе исторического “блуждания”» [Нива, 2003, с. 147].

Ж. Нива утверждает, что и словарь языкового расширения был «задуман как гимнастика, как упражнение в языковом дыхании», тренировка «личного языкового чутья»: «Автор “Красного колеса” посвятил столько времени и сил составлению словаря, вряд ли кому, кроме него самого, нужного», – говорит автор эссе, полагая, что принцип *расширения* выявляет «для нас внутреннюю динамику творчества писателя» [Нива, 2003, с. 143]. Заметный своей афористической отделкой фрагмент о расширении «языковых легких» часто цитируют в работах об этом необычном словаре, но авторы (С. В. Мельникова, Г. М. Алтынбаева, Г. Е. Жилаев, И. Ю. Малыгина и др.) вовсе не солидарны с Ж. Нива. Отечественные исследователи опротестовывают это заключение, поскольку чутьем улавливают неиндивидуалистический характер работы с национальным языком. Они не согласны с тем, что Солженицын вел обширное лексикографическое исследование исключительно для развития индивидуального стиля: «В нашем восприятии он в первую очередь

предстает хранителем и живительной силой “великого и могучего” русского языка» [Малыгина, 2016, с. 34].

Твердо придерживаясь аксиомы об индивидуализации, Ж. Нива монтирует свою характеристику «Крохоток» («Сейчас Солженицын вернулся к этим стебелькам, камушкам, корням и хватается, хватается...») с вагонной сценой (встреча «двух alter ego писателя» – Ковыньёва и полковника Воротынцева) из «Красного колеса». В этой сцене Федя Ковыньёв пересказывает слова Зинаиды: «А как я вас ждала. Мне казалось, вы везете мне обновление всего мира! Тут был вечер лунный, блестела река, шелестел лес, на склонах оврага спала деревня, – а я! такая молодая, покинутая, с новой жизнью на руках, а все равно беззаботная – бродила, бродила по двору и даже скакала на одной ноге и загадывала: вот если б приехал!» [Нива, 2003, с. 148]. Словам о скакании на одной ноге придан кардинальный обобщающий смысл: «Это нелепое, но беззаботное скакание на одной ноге и есть как бы матрица всего гигантского текста. Но беззаботность исчезает, а скакание на одной ноге бессмысленно продолжается дальше, в кошмаре. А уже началось падение: “...его бьет головой, затылком, подбрасывает, расшвыряет руки по воздуху – а когда они придутся на камень, на корень, на стебель – хватайся! хотя б глазами не разобрал – хватайся! дальше не будет, заборов не будет, ничто не спасет!” (“Октябрь”, гл. 17)» [Нива, 2003, с. 148].

С подобными выводами следует поспорить уже и потому, что «Крохотки» писались на разных этапах творческой практики. Однако куда более важный пункт несогласий непосредственно связан со спецификой языковой личности. Эссе замечательного западного интеллектуала уходит от разъяснения эпичности как генеративного качества прозы Солженицына. По утверждению Жоржа Нива, «одним из поэтических начал первых томов Солженицына была ирония. Она сцепляла, она вдохновляла, придавала вертикальность, тягу вверх. Однако с писанием последних томов “Колеса” даже ирония не может преодолеть косности, плоскости, бессмысленной горизонтальности. Иронический авторский взгляд ослабел. Заражение персонажей этим суверенным взглядом и этой авторской речью уменьшается, почти пропадает» [Нива, 2003, с. 148]. Как видим, с точки зрения сугубого индивидуалиста, единственно ирония может быть реакцией свободного человеческого сознания на несовершенство окружающего мира. Критик отслеживает эту, заданную собственной системой представлений, линию, трактуя ее как авторскую. Нива заметил спад чувства иронии, однако все-таки уверен, что лишь ирония способна «преодолеть косность, плоскость, бессмысленную горизонтальность».

Вовсе не ирония, а вертикаль христианских ценностей придает «тягу вверх» суждениям Солженицына о смысле жизни и свободы, об ответственности, самоограничении и раскаянии. Вертикаль выстраивают не словесно выраженные постулаты и не ироническое сопротивление «косностям горизонтали», а устремление к духовной родине, в которую ты веришь. Радость обновления верой согревает и наполняет смыслом деятельное вживание в суть бесконечно обширных и глубоких связей человека с родной землей и культурой. Аккумулируя силу сопротивления встреч-

ным потокам, готовым разорвать человека на части, энергетически действительно противостоит дроблению потока истории и дроблению личности.

Творчество А. И. Солженицына, в своих малых и крупных формах, с очевидностью подтверждает необходимость скорректировать инструментарий анализа языкового портрета писателей-эпиков и активизировать разработку вопроса о современном эпосе как таковом.

Литература

Голубков М. М., Жуикова Е. В. В пространстве прозы А. И. Солженицына: общие художественные принципы // *Филол. регионалистика*. 2013. № 2 (10) С. 7 – 12.

Злобин А. А. Ключевые концепты языковой картины мира А. И. Солженицына: особенности лексической и текстовой репрезентации // *Вестн. Рязанск. гос. ун-та им. С. А. Есенина*. 2018. № 4 (61) С. 154–163.

Караулов Ю. Н., Красильникова Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 3 – 11.

Малыгина И. Ю. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как форма «диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) // *Филол. науки: Вопр. теории и практики*. Вып. 1. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2016. С. 34–39.

Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель. СПб.: Вита Нова, 2014. 336 с.

Нива Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами // *Звезда*. 2003. № 12. С. 143–148.

Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 312 с.

Солженицын А. И. Окунаясь в Чехова // *Новый мир*. 1988. № 10. С. 161 – 182.

Солженицын А. И. Темплтоновская лекция [Электронный ресурс] // URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/templtonovskaya_lekziya.pdf (дата обращения: 30.11.2018).

Третьякова Е. Ю. Русская филологическая школа и проблемы печати // *Культурная жизнь Юга России*. 2003. № 4. С. 12 – 15.

Третьякова Е. Ю. Стиль и слог речи: индивидуальное, персональное и личностное начало языковой деятельности // *Формирование науч.-метод. основ учеб. процесса по спец. «Книгораспространение»*. Вып. 3. Краснодар, 2010. С. 12–21.

References

Golubkov M. M., Zhuykova E. V. V prostranstve prozy A. I. Solzhenitsyna: obshchiye khudozhestvennyye printsipy. *Filol. Regionalistika*, 2013, no. 2 (10), pp. 7-12. (In Russian).

Zlobin A. A. Klyuchevyye kontsepty yazykovoy kartiny mira A. I. Solzhenitsyna: osobennosti leksicheskoy i tekstovoy reprezentatsii. *Vestn. Ryazansk. gos. un-ta im. S. A. Esenina*, 2018, no. 4 (61), pp. 154-163. (In Russian).

Karaulov Yu. N., Krasil'nikova E. V. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi yeyo izucheniya. *Yazyk i lichnost'*. M., Nauka, 1989. Pp. 3-11. (In Russian).

Malygina I. Yu. «Russkiy slovar' yazykovogo rasshireniya» A. I. Solzhenitsyna kak forma «dialoga» s russkimi pisatelyami XX v. (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev). *Filol. nauki: Voprosy teorii i praktiki*. Vyp. 1. Ch. 2. Tambov: Gramota, 2016. Pp. 34-39. (In Russian).

Niva Zh. *Aleksandr Solzhenitsyn: Borets i pisatel'*. SPb., 2014. 336 p. (In Russian).

Niva Zh. Poehtika Solzhenitsyna mezhdru «bol'shimi» i «malymi» formami. *Zvezda*, 2003, no. 12, pp. 143-148. (In Russian).

Radchenko O. A. *Yazyk kak mirosozidaniye. Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva*. M., 2005. 312 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. Okunayas' v Chekhova. *Novyy mir*, 1988, no. 10, pp. 161-182. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Templtonovskaya lektsiya* [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/templtonovskaya_lekziya.pdf (accessed 30.11.2018). (In Russian).

Tret'yakova E. Yu. Russkaya filologicheskaya shkola i problemy pechati. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2003, no. 4, pp. 12-15. (In Russian).

Tret'yakova E. Yu. Stil' i slog rechi: individual'noye, personal'noye i lichnost'noye nachalo yazykovoy deyatel'nosti. *Formirovaniye nauch.-metod. osnov ucheb. protsessa po spets. «Knigorasprostraneniye»*. Vyp. 3. Krasnodar, 2010. Pp. 12-21. (In Russian).

Elena Yu. Tret'yakova (Krasnodar, Russian Federation)

Problems Language Personality Portrait Development of the Epic Writer (on the Example of A.I. Solzhenitsyn)

The article suggests that the study of individualized elements of style cannot exhaust the peculiarities of the creative style of such writers as A.I. Solzhenitsyn. Using the example of the literary-critical works of J. Niva and a number of scientific studies, it is shown that these, recognized as authoritative, interpretations do not take into account Solzhenitsyn's epic dominant of creativity: the positivist toolkit does not contribute, but prevents the inclusion and understanding of the mechanisms of non-individualistic processing of the meaning in the language. In expressing his creative credo, A. I. Solzhenitsyn repeatedly emphasized his desire to be a Christian writer. Defending a commitment to culture-faith, he entered into irreconcilable conflict with the positivist dogma. His inherent non-individualistic sense of language was manifested both in "Little Hearts" and in epic works, in the "Russian Dictionary of Language Expansion", and in the records about the works of favorite authors ("Literary Collection") imbued with the desire to be extremely honest before their native culture. The author of the article proposes to intensify the development of philological tools, which make it possible to reveal the dominants of the linguistic personality of epic writers, which are directly caused by the nature of natural languages. The source of this methodology is in the writings of XIX century Russian Humboldtians. (I. V. Kireevsky, A. A. Potebnya, and others), whose linguo-philosophical ideas and research methods can be reintroduced into scientific use and applied to explain epic phenomena.

Key words: *A.I. Solzhenitsyn, the writer's linguistic personality, epic artistic consciousness, national language, nationality, culture-faith, Russian Humboldtism.*

Elena Yu. Tret'yakova – grand Ph.D. of Philology, associate professor. Leading Researcher, Department of Comprehensive Studies of Culture. Southern branch of Russian research institute of nature and culture heritage of D.S. Likhachev. Krasnodar, Russian Federation.